

**ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ В. А. ТИШКОВА
«О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР*»**

В статье В. А. Тишкова внимание прежде всего привлекает попытка подойти к рассмотрению выдвинувшихся в последнее время в нашей стране на передний план национальных проблем в глобальном контексте. Такой подход оказался особенно плодотворным при характеристике прав народов (с. 79—84). Вообще сама постановка вопроса о правах народов представляется чрезвычайно важной. Ведь носителями национальных прав являются в первую очередь сами народы. Между тем этот факт нередко прямо или косвенно игнорируется, что проявляется, в частности, в подчеркивании только соответствующих прав национально-территориальных образований. Отсюда и игнорирование в течение длительного времени специфических потребностей национальностей, не имеющих своих территориально-административных образований, как и национальных групп, проживающих за пределами таких образований. А они в совокупности составляют, как известно, примерно 60 млн. человек. Вместе с тем представляется важным подчеркнуть, что национальные права народов не должны противоречить правам отдельной личности (например, праву свободного выбора каждым человеком языка обучения).

Нельзя не присоединиться к критике автором практики фиксации у нас в стране национальности в паспортах по национальной принадлежности одного из родителей. На недемократичность такой практики уже не раз указывали наши специалисты, однако изменений в этом отношении до сих пор не произошло. Как справедливо отмечено в статье, тем самым, в частности, накладывается определенное ограничение на выражение гражданами своего собственного национального самосознания. Хочется поддержать также предложение о предоставлении человеку в случае утраты четкой национальной принадлежности возможности отнести себя к более широкой категории «советский» (с. 81).

В статье справедливо подчеркивается, что до сих пор не уделялось должного внимания такому важнейшему аспекту жизни современных народов, как их право на доступ к достижениям мировой цивилизации. Трудно не согласиться с риторическим вопросом автора: «Гордые духом и нищие телом», сможем ли мы как союз народов чувствовать себя достаточно уверенно в сообществе людей XXI века? (с. 84). Именно поэтому столь губительны для развития народов любые проявления изоляционизма, в том числе языкового.

Оригинально освещен в статье вопрос о соответствии государственного устройства СССР, политических установок и идеологических воззрений современным реалиям советского общества и потребностям нашего дальнейшего развития. Не лишено основания мнение автора, что главными факторами, влияющими на административно-территориальное деление государств, должны быть пространственно-хозяйственные связи. Как отмечается в статье, современный мир не знает случая, чтобы какое-то из крупных многонациональных государств добилось разительных успехов в своем развитии при том, что его народы разбежались по своим «этническим квартирам» (с. 86). Против всего этого с абстрактно теоретических позиций возражать трудно. Более того, к сказанному можно было бы добавить, что в силу тех или иных причин одни народы получили статус национально-административных образований (притом различного «уровня»), другие — такового не имеют. И все же нельзя не считаться с исторически сложившейся реальной национально-территориальной структурой страны. Любые попытки существенно ее изменить ныне чреваты далеко не предсказуемыми последствиями, о чем, в частности, весьма наглядно свидетельствуют последние события в Закавказье.

*Продолжение. См.: Сов. этнография. 1989. №№ 1, 3.

Одной из самых неотложных реформ, имеющих характер программы-минимум, по мнению автора, могло бы стать конституционное оформление некоторых общих принципов межнациональных отношений и принятие Декларации о правах народов СССР. Создание специального свода таких прав, видимо, в самом деле целесообразно. И все же одного этого явно не достаточно даже в качестве программы-минимум. Гораздо важнее выработать комплекс мер, направленных на обеспечение того, чтобы реальные права всех национальностей, независимо от их административно-территориального статуса, действительно были полностью равными. А это прежде всего предполагает, что так называемые коренные нации республик не будут иметь никаких привилегий по сравнению с другими, населяющими эти республики национальностями.

Можно также согласиться с автором, что обобщенные термины «народы» и «национальности» при характеристике всех этнических общностей страны более удобны в повседневной практике, чем обычно употребляемая в таких случаях формула «нации и народности» (с. 76). К сказанному в этой связи представляется существенным добавить, что за пределами данной формулы остаются все национальные группы, составляющие, в своей совокупности, как уже говорилось, значительную долю населения СССР. Вместе с тем в статье косвенно подтверждается правомерность разграничения коренных народов страны на два основных этносоциальных подтипа, когда вполне обоснованно подчеркивается специфическое социально-экономическое и культурное положение малых народов Севера, необходимость создания для них особых условий, учитывающих их существенно иные, чем у урбанизированных народов хозяйственно-культурные традиции (с. 81, 83). Впрочем, в перспективе, на наш взгляд, нации во все большей мере будут терять характер этносоциальных общностей в строгом значении этого понятия (т. е. превращаться в национальности)¹. Этому в немалой степени уже давно содействует снижение их территориальной компактности (непрерывности) в результате увеличения масштабов иноэтнических «вкраплений». Соответственно такие важнейшие признаки наций как общность территории и экономики все менее выступают в «чистом» виде.

Автор справедливо ратует за развитие гласности в области изучения и освещения межнациональных отношений (с. 75). Несомненно нужна широкая информация общественности о тех или иных конкретных проявлениях национальных процессов, особенно конфликтных. Не столь однозначно обстоит, на мой взгляд, дело с популяризацией взглядов отдельных лиц на какие-либо аспекты национальных отношений и их практических предложений. То, что эта сфера долгое время оставалась наиболее закрытой для советского обществоведения, несомненно, негативно сказалось не только на изучении, но и на самих национальных процессах в нашей стране. Однако вряд ли следует вдаваться в противоположную крайность, забывая о том, сколь тесно национальное самосознание сопряжено с эмоциональной сферой психики. Не случайно XIX партконференция специально подчеркнула необходимость взвешенного подхода к рассмотрению национальных сюжетов. В самом деле, вряд ли, например, нейтральным для развития национальных отношений в стране оказалось распространение изданиями, имеющими массовый характер, таких с позволения сказать теорий как деление народов на полноценные (пассионарные) и неполноценные (субпассионарные), утверждения о негативных последствиях национально-смешанных браков, тезиса о вреде билингвизма и т. п. При этом плюрализм мнений подобными изданиями трактуется весьма своеобразно: почему-то просто замалчиваются или всячески затушевываются возражения против подобных мягко говоря, далеко не взвешенных утверждений². Между тем достаточно очевидно, что важнейшим условием подлинной гласности при обсуждении национальной проблематики (как и любой другой) является предоставление возможности высказать на страницах тех же изданий в полный голос другие точки зрения. Только такое «право на ответ» может обеспечить подлинный плюрализм мнений. И в этой связи, нельзя не заметить, что у журнала «Совет-

ская этнография» имеется неплохая многолетняя традиция проведения дискуссий, включающая практическое обсуждение всех точек зрения, независимо от званий и должностного положения их авторов. Представляется, что важно не только продолжить эту традицию, но и несколько усовершенствовать сложившуюся практику, не ограничиваться публикациями подборки откликов различных авторов на «заглавную» статью, а проводя предварительно специальные «круглые столы», позволяющие участникам дискуссий непосредственно полемизировать друг с другом по отдельным вопросам обсуждаемой проблемы. Иначе говоря, перейти от дискуссий-монологов к дискуссиям-диалогам.

Ю. В. Бромлей

Примечания

1. См. Бромлей Ю. В. Октябрь и развитие национальных отношений в СССР. М., 1987. С. 62—63.

2. Показательно, например, что статья М. Н. Губогло с основательной критикой «концепции» о вреде билингвизма, направленная в журнал «Дружба народов», так и не была опубликована в этом журнале, хотя дискуссия по национальной проблематике продолжалась в нескольких номерах журнала. Объявив в № 1 за этот год дискуссию по национальной проблематике, журнал «Коммунист», так ее и не продолжил, хотя и опубликовал за пределами соответствующей рубрики ряд статей по данной проблематике.

* * *

Мне уже приходилось выступать, в том числе и на советско-американском симпозиуме, по близкой статье В. А. Тишкова теме о взаимоотношениях этничности и государственности, но связанный с этим круг проблем настолько разнообразен, имеет так много различных аспектов, что вряд ли мы исчерпаем ее и сейчас при коллективном обсуждении.

Значимость темы, развернутой в статье В. А. Тишкова, состоит в том, что обострение в последние годы во многих регионах нашей страны национальных проблем происходит не столько из отношений между национальностями, сколько из национальной государственности: драматическое развитие событий в Закавказье связано со спорами из-за национально-государственного статуса и республиканской принадлежности Нагорного Карабаха; подъем национальных движений в Прибалтике — стремление к большему национально-государственному суверенитету республик и т. д. В дальнейшем я остановлюсь несколько подробнее на некотором несовершенстве нашей национальной государственности, но предварительно должен затронуть еще один вопрос — о терминологии.

В своей статье В. А. Тишков отметил неточность употребления некоторых терминов, связанных с этно-национальной проблематикой, в частности термина «нация». Сравнительно большое внимание этому уделяет и М. В. Крюков, который не раз показывал недостатки сталинского определения нации на основе четырех обязательных признаков, которое до сих пор еще не исчезло из публикаций, хотя на практике им никто не пользуется. Полагаю, что наше увлечение терминологией, при всей ее значимости должно иметь разумные пределы. В своей статье по национальному вопросу («Советская этнография», 1988, № 1) мне пришлось подчеркнуть различие между теорией нации (и шире — этноса), в рамках которой можно совершенствовать терминологию, и теорией национального вопроса, в которой, как это отражено в работах В. И. Ленина, можно обычно обходиться без особых терминологических понятийных упражнений. Даже наличие самого четкого определения нации не гарантирует от ошибок в решении национального вопроса, от распространения национализма, в духе которого своя, четко определенная, нация превозносится выше всего на свете. И если бы мы,

например, затеяли спор о том, кем нам следует считать в терминологическом отношении армян Нагорного Карабаха — национальностью или частью армянской нации, частью армянского этникоса или частью армянского ЭСО, а может быть и самостоятельным ЭСО, то мы потратили бы на это многие часы и не очень-то помогли бы этим решить возникшие национальные проблемы.

Что же касается рассматриваемой нами темы «Народы и государство», то в СССР она нашла свою реализацию в системе национальной государственности, которая оформлена в Конституции СССР. Приходится признать, однако, что сделано это довольно небрежно и не вполне продуманно. И если говорить вполне откровенно, то наша Конституция — это закон о неравноправной национальной государственности: союзные республики по своим правам намного превосходят автономные, те — автономные области и округа; обычные же области не имеют особых прав как в отношении сохранности национальной самобытности своих граждан, так и в экономической сфере. Принцип равноправия союзных республик приводит как бы к неравномерному распределению связанных с ними преимуществ на каждого человека; тот факт, что эстонцы, например, по благосостоянию и некоторым другим показателям намного превосходят примерно равное им по численности русское население соседней Псковской области, в значительной мере объясняется тем, что эстонцы более автономны в хозяйственной жизни, имеют свой Совет Министров и другие учреждения с хорошо оплачиваемыми должностями, чего не положено иметь псковичам. Вопрос заключается в том, почему, скажем, та же эстонская республика имеет статус союзной, а татарская — статус автономной республики, хотя по числу жителей и экономической мощи она намного превосходит Эстонскую ССР. Традиционная ссылка на то, что союзная республика для осуществления права выхода из СССР должна иметь внешнюю границу, меня не удовлетворяет; сейчас же вспоминается самостоятельная республика Сан-Марино, окруженная территорией Италии, или королевство Лесото, внутри территории ЮАР.

Другой большой недостаток нашего национального законодательства — отсутствие разработанного механизма осуществления тех или иных гарантированных прав, прежде всего права народов (национальностей) на самоопределение вплоть до полного политического отделения. Ничего не сказано о порядке разрешения споров между автономной республикой или областью, с одной стороны, и республикой, в которую они входят, — с другой. Более многочисленная «союзная» национальность, представленная большим числом депутатов в Верховном Совете, может легко утвердить свое решение, и настоящий демократизм здесь состоит именно в обеспечении и защите прав национальных меньшинств. Можно надеяться, что при нашем дальнейшем движении по пути создания подлинно правового государства будут приведены в порядок и законы о правах национальностей.

В заключение отмечу позитивное значение обращения В. А. Тишкова к зарубежной национально-государственной ситуации. В свое время В. И. Ленин указывал, что национальные движения свойственны отнюдь не только России, и нам уже давно пора отказаться от представления о какой-то нашей исключительной оригинальности и связанного с этим стремления учиться только на собственных ошибках. Особый интерес в этом отношении представляет для нас опыт развития многонациональной Югославии, в которой уже довольно давно проведена чем-то сходная с нашей перестройка и проверена возможность республиканского хозрасчета. В результате этого разрыв в уровне благосостояния между жителями экономически развитых и экономически отстающих республик там увеличился, а это вызвало новые национальные трения. Боюсь, что нам без учета этого опыта придется пережить то же самое.

В. И. Козлов

* * *

За последние годы мы являемся свидетелями эскалации национальных конфликтов в нашей стране. Один за другим предъявляются старые векселя, по которым надо платить: как за ошибки политиков, пренебрегавших правами народов, так и за благодушные ученых, десятилетиями не изучавших реальность межэтнических отношений. Сейчас становится все более очевидным, что накопившиеся проблемы имеют глубокие корни и решить их с помощью экстренных административных мер нельзя. Бесполезно уповать на открытие какого-то универсального и быстродействующего средства от застарелой болезни. Необходим основательный научный анализ сущности самого явления и всех воздействующих на него факторов. Представляется вместе с тем, что среди всех многообразных аспектов национального вопроса наиболее актуально первоочередное теоретическое осмысление ситуации, связанной с понятием «права народов».

В связи с этим необходимо прежде всего ответить, кто является субъектом национальных прав в нашей стране. Существует устойчивая иллюзия, будто бы этнический состав населения СССР давно и исчерпывающе изучен. Попытки вернуться к обсуждению связанных с этим проблем иной раз квалифицировались даже как злокозненное стремление поставить под сомнение все сделанное нашими этнографами за годы советской власти. Между тем положение дел отнюдь не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Достаточно напомнить, что согласно переписи населения 1926 г. в стране проживало почти 180 народов; в 1939 г. Сталин утверждал, что в СССР существует «около 60 наций, национальных групп и народностей»; в 1970-е годы повсеместное распространение получила формула «100 наций и народностей»; по мнению некоторых специалистов-этнодемографов, в настоящее время в Советском Союзе живет примерно 140 народов. Мы помним, как много резких критических замечаний вызвал подготовленный к переписи населения 1989 г. список народов СССР.

Суть проблемы заключается в том, что всякий раз, когда общепризнанные постулаты этнографической науки оказываются в противоречии с официальной точкой зрения, мы отдаем предпочтение последней, жертвуя сформулированными нами научными принципами. Так, одним из важных достижений советской теории этноса считается представление об этническом самосознании, проявляющемся в самоназвании, как наиболее существенном признаке этноса. На практике же некоторые народы, существование которых было декредитировано у нас в конце 1920-х — начале 1930-х годов, не имеют единого самоназвания на своем родном языке (таковы, например, алтайцы). С другой стороны, группы, имеющие общее самоназвание, по традиции рассматриваются как части различных народов (шорцы существуют как самостоятельная этническая общность, но кроме того входят в состав алтайцев и хакасов). Еще вчера эти сюжеты, казалось, были весьма далеки от злобы дня. Но на наших глазах положение меняется. Полешуки, которых мы привыкли считать субэтническими группами в составе двух соседних народов — украинцев и белорусов, все более настойчиво выдвигают требование признать их самостоятельной этнической общностью. Кто на очереди?

Уже сейчас в ряде республик остро стоит вопрос об этническом статусе некоторых общностей, которые рассматриваются одними как этнографические группы в составе численно преобладающего этноса, другими — как отдельные народы. Являются ли памирцы частью таджиков, входят ли талыши в состав азербайджанцев? Судя по всему, ни историки партии, ни философы не обладают необходимым уровнем профессиональной подготовки для того, чтобы дать квалифицированный ответ на эти вопросы. Однако и этнографам необходима для его решения специальная исследовательская программа, и можно надеяться, что уже высказанные на сей счет предложения будут учтены при разработке плана Института этнографии АН СССР на ближайшие годы.

Вторым важным аспектом обсуждаемого круга вопросов является наше

отношение к основополагающему тезису о равноправии народов. Хотя принципы, провозглашенные в «Декларации прав народов России» формально никогда не подвергались сомнению, в явном противоречии с ними находится широко практикуемое ныне противопоставление трех категорий проживающих в СССР этнических общностей — наций, народностей и национальных групп. О теоретической необоснованности и практической вредности подобной «классификации» неоднократно говорилось. Тем не менее, сила привычки по-прежнему берет верх над здравым смыслом, и указанные термины продолжают фигурировать в работах специалистов и высказываниях общественных деятелей. Не повторяя уже приводившихся аргументов, хочу подчеркнуть, что в этой сфере у нас действительно царит полнейшая понятийная неразбериха. Не говоря уже о том, что никто до сих пор не смог четко и убедительно сформулировать критерии противопоставления «наций» и «народностей», даже в понимании сущности «национальных групп» обнаруживаются не совпадающие между собой индивидуальные точки зрения отдельных теоретиков. Согласно одной из них, под «национальными группами» следует понимать народы, проживающие за пределами нашей страны и представленные на ее территории лишь своими небольшими частями. Наряду с этим в последнее время появилось иное толкование этого понятия: «Национальные группы — это те 55 млн чел., которые проживают за пределами своих национально-государственных образований. В 14 союзных республиках (не считая РСФСР) расселено 24 млн. русских. Еще 15 млн. чел. представителей коренных национальностей (кроме русских), имеющих собственные союзные республики, живут за их пределами. Наконец, 7 млн. чел. вообще не имеют своих национально-государственных образований» (Сов. этнография. 1989. № 1. С. 27). Предложенный здесь подсчет численности «национальных групп» СССР, с чисто арифметической точки зрения, требует, судя по всему, некоторых комментариев. Но важнее другое — в одной категории оказались объединенными, с одной стороны, части этносов, проживающие вне своих республик, с другой — этносы вообще не имеющие своих республик. Если, следуя за Ю. В. Бромлеем, считать субъектом национальных прав «все этникосы как в целом, так и их отдельные части — национальные группы» (Там же. С. 6), то становится совершенно неясным, каким образом можно перечислять через запятую целое и часть целого, определяя их как особые «формы общности» (С. 40). Что же касается включения в число «национальных групп» тех этносов, которые сегодня не имеют своих государственных и территориальных образований, то подобное противопоставление их другим народам СССР объективно служит не реализации их прав, а, напротив, увековечиванию неравноправного положения этих общностей. Между тем среди них некоторые насчитывают более миллиона человек. Нельзя забывать, что вообще любая классификация не является единственно возможным способом упорядочения данной совокупности исследуемых объектов; в зависимости от целей исследования могут быть предложены различные группировки. Возникает вопрос: какие специфические цели ставят перед собой ученые, если предлагаемая ими классификация народов СССР по своей сущности противоречит декларируемому нами принципу равноправия этих народов? Указанная классификация является, помимо этого, источником многочисленных двусмысленностей и неясностей, представление о которых дает, в частности, тот же номер журнала «Советская этнография». Если под «народами нашей страны» Ю. В. Бромлей понимает этносы, включая нации и народности, то какой смысл в данном контексте вкладывается им в понятие «этносоциальная общность» (С. 17)? И как с этой точки зрения следует понимать тезис Г. Б. Старушенко о том, что «все народы и нации имеют право на самоопределение» (С. 20)? Вряд ли можно сомневаться в необходимости решительного упорядочения существующего понятийного аппарата нашей теории нации.

Наконец, третьим существенным аспектом проблемы прав народов СССР является выявление здесь наиболее фундаментального, ведущего звена. Тако-

вым, на мой взгляд, является право народа на суверенное развитие. А это в свою очередь требует от советских обществоведов объективного и исчерпывающего анализа состояния реализации этого права в существующей системе административно-государственного деления СССР. Какими параметрами должен обладать народ, претендующий на создание собственной союзной республики? Каковы критерии, на основании которых конституируются автономные образования различных рангов? Отвечают ли «совмещенные» автономии вроде Дагестанской АССР принципу предоставления каждому народу СССР права на самоопределение? Почему ряд народов СССР не имеет автономных образований, тогда как среди последних существуют единицы, население которых не представляет собой самостоятельных народов? Какова юридическая процедура создания новых национально-территориальных образований в соответствии с духом правового государства, на формирование которого направлены в настоящее время усилия нашего общества? Формулирование удовлетворительных ответов на эти вопросы — задача прежде всего правоведов, но необходимость их кооперации с этнографами также вполне очевидна.

М. В. Крюков

* * *

Статья В. А. Тишкова затрагивает многие важные вопросы межнациональных отношений в нашей стране, и у меня нет возможности комментировать все ее положения. Многие выводы автора, на мой взгляд, заслуживают безусловной поддержки. Справедливо констатируется кризисная ситуация в межнациональных отношениях и явная неудовлетворительность как существующей в этой сфере государственно-правовой практики, так и теоретического осмысления национального вопроса в рамках старых концептуальных схем. В частности, В. А. Тишков (вслед за другими исследователями, в том числе М. В. Крюковым¹⁾) убедительно критикует бытующее разделение народов нашей страны на нации и народности, слабо обоснованное теоретически и порождающее «ненужные противоречия и недоумения на уровне массового сознания и общественной практики» (с. 76). Впервые в советской литературе автор ставит вопрос о правах народов, считая теоретическую разработку и практическое осуществление этих прав «одним из важнейших моментов в области национальной политики» (с. 80). При этом проблема прав народов, да и многие другие вопросы национальных отношений, рассматриваются В. А. Тишковым с точки зрения общей демократизации социально-политических структур, укрепления индивидуальных прав и свобод граждан (с. 87). Конечно же, такой гуманистический пафос статьи не может не вызвать сочувствия. Однако пора перейти к тем элементам концепции В. А. Тишкова, которые я оцениваю не столь однозначно.

Для автора характерно постоянное стремление вписать национальные проблемы Советского Союза в контекст мирового опыта, связывая их, в частности, с глобальной тенденцией «этнического возрождения». Разделяя в целом такой (кстати, уже давно назревший) подход, рассмотрим подробнее одно из положений В. А. Тишкова. По его мысли, «этническое возрождение», расширение прав народов, включая право на самоопределение, в принципе не противоречит тому, что в современном мире социально-экономическое развитие осуществляется в рамках крупных многонациональных государств. «Становится все более очевидным, что... сама по себе возведенная в абсолют национальная государственность не гарантирует народу главного — процветающего и мирного существования. Гораздо в большей степени интересам народов... отвечают различные формы автономии и самоуправления в составе более крупных образований» (с. 82). И далее «...современный мир не знает случая, чтобы какое-то из крупных многонациональных государств добились разительных успехов в своем развитии при том, что его народы „разбежались по своим этническим квартирам“» (с. 86).

С этой точки зрения В. А. Тишков подходит и к этнополитической ситуации в нашей стране. Он отрицательно относится к тому, что субъектами советской федерации являются не территориальные единицы, а союзные республики, рассматриваемые как национальные государства. По мнению автора, это «ослабляет... суверенитет общесоюзного государства», который в результате на конституционном уровне «выражен в СССР гораздо слабее, чем в других странах» (с. 86).

Конечно, для СССР крайне важно учитывать опыт развития других крупных многонациональных государств, однако наша страна сейчас представляет в своем роде уникальное этнополитическое образование. Необходимо помнить о том, что Советский Союз исторически является преемником многонациональной империи, сложившейся в основном путем территориальной экспансии. Многие народы, ныне входящие в состав нашего государства, были в свое время насильственно присоединены к царской России. Да и, как уже отмечается в нашей печати, «возникновение разных социалистических республик и принципы их вхождения в федерацию далеко не одинаковы. Подлинная историческая картина должна быть восстановлена, какой бы сложной она ни оказалась»². Следует также иметь в виду, что в исторической памяти многих народов нашей страны всегда были живы, а сейчас еще и обострены воспоминания о своей национальной независимости и государственности и о событиях, сопровождавших их утрату.

Мне представляется, что эти обстоятельства необходимо учитывать при анализе национально-политической реальности в Советском Союзе, особенно проблем соотношения между центром и субъектами федерации, между общесоюзным и республиканским суверенитетом. В нынешних условиях любое расширение полномочий центра, какими социально-экономическими соображениями оно бы ни оправдывалось, — будет негативно восприниматься в республиках как нечто навязанное сверху. Реальное повышение авторитета центральной власти возможно лишь в том случае, если возродится понимание СССР как союза суверенных государств, каждое из которых добровольно делегирует центру некоторые из своих полномочий. На одной недавней дискуссии по национальным проблемам эта идея была сформулирована так: «Суверенные социалистические республики, объединяясь на добровольных началах, отдают федеративному государству как целому часть своих функций — оборонную, общей координации внешней политики... и т. д. Но во всем другом они остаются самостоятельными, осуществляя верховную власть на своей территории»³.

Такой в основе своей «историко-юридический» подход к национальным проблемам на деле не всегда противоречит «социально-экономическому» подходу, которому следует В. А. Тишков. Он считает, что наблюдаемое в ряде республик стремление к экономическому суверенитету может привести к хозяйственной автаркии, несовместимой с современным высокоэффективным производством (с. 86). Мне кажется более обоснованной другая точка зрения. По мнению многих специалистов⁴, идея экономического суверенитета как раз предполагает активизацию межреспубликанского (и международного) обмена, специализации и кооперирования, но не на основе централизованного планирования и распределения, а на базе рыночных отношений. Естественно, переход к подлинному региональному хозрасчету возможен лишь в ходе радикальной экономической реформы на уровне предприятий и отраслей. Как отмечает видный эстонский экономист М. Бронштейн: «Республиканский хозрасчет, экономический суверенитет республик предполагает не замкнутую экономику, а использование экономических и правовых регуляторов и в масштабах Союза, и в каждом регионе. Он не отменяет, а утверждает участие республик в союзных программах, но им должно быть предоставлено право обсуждать и контролировать эти программы... Нужно всем создать равные возможности. Пусть на рынке доказывают, кто прав. Все это не имеет ничего общего ни с региональной замкнутостью, ни с формированием республиканской бюрократической системы»⁵.

По мнению В. А. Тишкова, в рамках упрочения общесоюзного суверенитета необходимо и конституционное закрепление русского языка в качестве официального, общегосударственного (с. 88). Конечно, широкое распространение языка межнационального общения — объективная необходимость для любого многонационального государства. Но следует иметь в виду, что русский язык в нашей стране не есть просто язык межнационального общения. Прежде всего, это язык наиболее многочисленного народа, язык, с которым в большинстве республик ассоциируется понятие центра, центральной власти. Законодательное придание русскому языку привилегированного статуса на всей территории страны, вероятно, породило бы отрицательную реакцию во многих республиках и не способствовало бы реальному росту двуязычия. С юридической точки зрения, более правомерным было бы объявить государственными языками СССР все пятнадцать языков союзных республик, но это было бы явно нерационально. Мне представляется, что в каждой республике может быть свой государственный язык (включая, конечно, и русский в РСФСР). При этом объективные функции русского языка как языка межнационального общения могут осуществляться естественно, без правовых гарантий на общесоюзном уровне.

Н. Ё. Руденский

Примечания

¹ Крюков М. В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Сов. этнография. 1986. № 3. С. 58—69.

² Слышать друг друга. «Круглый стол» журналов «Коммунист», «Коммунист Советской Латвии», «Коммунист Эстонии», «Коммунист» (Литва) // Коммунист. 1989. № 6. С. 79.

³ Там же. С. 74.

⁴ См., например: Коротева В. В., Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И. От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик // Коммунист. 1988. № 15. С. 22—33.

⁵ Слышать друг друга... С. 62.